

Проблемы социального государства

ОСНОВАНИЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ*Татьяна МАЛЕВА^а, Елена АВРААМОВА^б

^а Кандидат экономических наук, ДВА, директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (101000, Москва, Пречистенская наб., д. 11).
E-mail: maleva-tm@ranepa.ru

^б Доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией исследований социального развития Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (101000, Москва, Пречистенская наб., д. 11).
E-mail: avraamova-em@ranepa.ru

Аннотация

В статье на базе проведенных социологических исследований дается обоснование реализации как компенсаторных, направленных на поддержку наиболее уязвимых слоев населения, так и стимулирующих мер, нацеленных на организацию доступа соответствующих групп населения к ресурсам, использование которых может вывести их на более высокий уровень развития за счет доступа к образованию, рабочим местам, социальным услугам. Релевантность стимулирующих мер социальной политики авторы связывают с динамикой социальных настроений различных групп населения, а также со степенью их вовлеченности в ситуацию кризиса, поскольку эти факторы влияют на формирование социально-экономических стратегий, которые могут иметь пассивно-выжидательный или активный характер. В свою очередь, характер стратегий населения определяет объем и характер задач, встающих перед социальной политикой, призванной сократить негативные эффекты кризиса и не допустить резкого ухудшения социально-экономического положения каких-либо социальных групп.

Ключевые слова: социальная политика, социально-экономическое неравенство, бедность, социальная мобильность, экономический кризис, социальные ресурсы.

JEL: I38.

Оικονομία • Πολιτικά

OIKONOMIA • POLITIKA

1. Социальная политика перед лицом экономических вызовов

Негативные явления в российской экономике способны привести к разбалансировке социальной структуры общества, к социальному напряжению, а также к непредсказуемым социальным эффектам. Результатом воздействия факторов экономического и институционального характера становятся следующие изменения социальной стратификации:

- увеличение численности бедного населения;
- вхождение в число бедных слоев и групп населения, ранее относившихся к малообеспеченным, но с высокими рисками бедности;
- отсутствие роста численности среднего класса;
- торможение социальных лифтов, обеспечивающих вертикальную мобильность населения;
- сохранение избыточного, в терминологии Алексея Шевякова и Александра Кируты, по своим масштабам социально-экономического неравенства [Шевяков, Кирута, 2009], достаточно болезненно воспринимаемого российским населением.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-02-00196а.

В такой ситуации социальная политика не может ограничиваться выполнением лишь одной — компенсаторной — функции, в рамках которой осуществляется социальная защита и поддержка тех групп населения, которые не имеют ресурсов и возможностей улучшения собственного материального положения (многодетные семьи, семьи, имеющие в своем составе инвалида, семьи пенсионеров и пр.). Социальная политика, адекватная остроте стоящих проблем, должна «работать» не только с проблемой бедности как нехватки доходов, но и бедности в результате исключения из продуктивных социально-экономических практик. При такой постановке вопроса меры поддержки должны быть направлены на организацию доступа соответствующих групп населения к ресурсам, использование которых может вывести их на более высокий уровень развития (доступ к образованию, рабочим местам, социальным услугам) (см., например: [Мареева, 2015]). Подобная политика реализует стимулирующую функцию и направлена на сокращение численности бедных и выход домохозяйств из зоны застойной бедности. Кроме того, стимулирующая социальная политика должна быть направлена на поддержку российского среднего класса и рост его численности за счет интенсивной вертикальной мобильности [Авраамова, 2015].

Именно такой подход обозначен в современных теориях социальной политики [Социальная поддержка, 2010. С. 164—181; Omtzigt, 2009; Bradshaw, 2004; Norton, 2001], проводимой в относительно стабильных экономиках, и именно он, как представляется, может быть наиболее эффективен в период утраты стабильности, когда финансовая поддержка социально незащищенных групп населения сокращается.

Релевантность подобного теоретического построения зависит от того, какая социально-экономическая диспозиция сложилась в современном российском обществе, какие представления о путях повышения собственного благосостояния и какие ожидания в отношении социальной политики государства сложились у различных слоев и групп российского населения. В случае если пограничные в плане материальной обеспеченности группы имеют интенции к повышению активности в образовательной и трудовой сферах, но их активность сдерживается недостатком финансовых средств либо институциональными барьерами, социальная политика может быть направлена на преодоление подобных преград. Если же соответствующие группы в силу разных причин инертны и патерналистски ориентированы, то социальная политика будет находиться перед развилкой: ограничиваться исключительно компенсаторными мерами либо начинать практиковать стимулирующие меры с расчетом на то, что постепенно они будут восприняты группами, к которым обращены.

В значительной степени ответы на эти вопросы дает мониторинговое исследование «Социальное самочувствие населения», которое

начиная с февраля 2015 года проводит Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС¹.

Задача исследования — отслеживание социальных изменений, происходивших в ситуации ухудшения параметров экономического развития. Конечной целью было определение динамики настроений в различных социально-демографических группах населения. В своем анализе авторы исходили из того, что соответствующие настроения влияют на формирование социально-экономических стратегий, которые могут иметь пассивно-выжидательный или активный характер. В свою очередь, характер стратегий населения определяет объем нагрузки на социальную политику, призванную снизить негативные эффекты кризиса и не допустить резкого ухудшения социально-экономического положения каких-либо социальных групп.

Данное исследование имеет свою внутреннюю логику:

- на первом этапе исследуются массовые представления о масштабах и длительности кризиса с дифференциацией по социально-демографическим и экономическим признакам представителей соответствующих групп населения;
- на втором этапе определяются негативные эффекты, концентрирующиеся в различных социально-демографических и экономических группах населения;
- на третьем этапе выявляются стратегии экономического поведения населения, формируемые под влиянием как складывающейся экономической ситуации, так и ее оценки населением.

2. Представления о масштабах кризиса

На протяжении всего времени измерений (с февраля по ноябрь 2015 года²) произошли заметные изменения в восприятии населением складывающейся социально-экономической ситуации (табл. 1). Так, с февраля (первая волна мониторинга) по август (пятая волна) градус настроений явным образом повышался. Первая половина 2015 года была периодом стабилизации рубля, в результате чего у основной массы населения сложилось мнение, что кризисные явления носят конечный характер и улучшения уже наступают и будут продолжаться. В соответствии с такими представлениями неуклонно рос оптимизм в оценке текущей ситуации. Однако к августу 2015 года в негативную сторону изменились экономические показатели, наблюдаемые населением, — прежде всего снизился курс рубля по отношению к доллару и евро, причем снижение носило не менее обвальный характер, чем в ноябре-декабре 2014 года. Видимо,

¹ Эмпирической базой анализа является регулярный опрос населения по репрезентативной для населения России в целом выборке 1600 респондентов. Проведено восемь волн мониторинга (февраль, март, апрель, май, август, сентябрь, октябрь и ноябрь 2015 года).

² В 2016 году мониторинговое исследование продолжается.

Т а б л и ц а 1

**Распределение ответов на вопрос: «Как изменилось за последнее время
экономическое положение страны?» (% по столбцу)**

Характер изменений	Число респондентов							
	февраль	март	апрель	май	август	сентябрь	октябрь	ноябрь
Улучшилось	2,7	4,4	5,6	6,9	3,7	3,6	3,8	4,8
Не изменилось	17,3	21,7	24,5	32,3	35,4	38,4	43,4	35,3
Незначительно ухудшилось	32,6	28,6	32,1	28,8	26,5	27,4	26,2	20,5
Заметно ухудшилось	37,2	34,9	26,3	22,8	25,2	21,2	18,3	26,0
Происходит полномасштабный кризис	7,9	7,8	6,5	5,6	6,4	5,0	4,6	9,3
Затруднились ответить	2,3	2,6	5,0	3,6	2,8	4,4	3,7	4,1

по этой причине тенденция нарастания оптимизма по отношению к оценке текущей экономической ситуации сменилась отрицательным трендом. Он проявился в практически двукратном уменьшении доли респондентов, видевших постоянное улучшение ситуации с февраля по май 2015 года. Вместе с тем модальная группа населения не видела и особых ухудшений, а придерживалась мнения об отсутствии значимых перемен. Об ухудшениях, впрочем, сообщала бóльшая доля респондентов, чем в предыдущих замерах, однако размеры группы, наблюдавшей ухудшение ситуации, не достигли февральских показателей.

В последние месяцы 2015 года возобладало мнение о стабилизации экономической ситуации. Об этом свидетельствует бóльшая, чем в прежние периоды, доля тех, кто не замечает изменений. Вместе с тем численность замечающих улучшения не увеличилась и находилась на уровне минимальных значений; численность фиксирующих ухудшения также осталась без изменений, но эта доля превышала четверть опрошенных. Таким образом, произошла стабилизация оценок экономической ситуации. Преобладание при этом отрицательных оценок может говорить об «отрицательной стабилизации».

Произошли определенные изменения в восприятии экономической ситуации жителями мегаполисов, других городов и сел. Наиболее чувствительными к ухудшению ситуации оказались жители мегаполисов. Что касается возрастных особенностей оптимистов и пессимистов, то, с одной стороны, большинство (около 60%) представителей разных возрастных групп считают, что ситуация либо не изменилась, либо незначительно ухудшилась. Но в то же время молодежь до 25 лет, будучи группой, еще не испытавшей на себе в полной мере бремя социальной ответственности, быстрее адаптировалась к изменениям и готова не замечать негативных тенденций. Уже в следующей возрастной когорте доля тех, кто видит улучшение ситуации, снижается более чем вдвое.

3. Представления о длительности негативных эффектов в экономике

Мнение о том, что экономическая ситуация вскоре улучшится, разделяют значительное число россиян — около четверти опрошенных. При этом треть полагают, что негативные явления будут иметь место в течение двух лет или выйдут за пределы этого срока. Число сторонников предположения, что «ухудшения уже не будет», несколько превышает четверть населения. Значительная часть респондентов (16%) не представляют себе, как будут развиваться события, и это отражает большую степень неопределенности в восприятии экономической реальности (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Распределение ответов на вопрос:
«Как будет меняться экономическое положение страны?» (% по столбцу)

Характер изменений	Число респондентов							
	февраль	март	апрель	май	август	сентябрь	октябрь	ноябрь
Положение вскоре улучшится	22,2	24,0	38,3	26,9	21,2	23,4	22,8	23,0
Ухудшения уже не будет, ситуация стабилизируется	25,4	24,0	17,8	29,9	28,9	27,5	27,7	25,9
Ухудшение будет продолжаться в течение 1—2 лет	24,5	23,4	18,9	17,8	21,9	18,1	20,3	22,3
Ухудшение будет продолжаться более 2 лет	11,5	12,0	8,7	9,4	12,1	11,2	13,3	13,8
Затруднились ответить	16,4	16,6	16,3	16,0	15,9	19,8	15,9	15,0

В целом на конец 2015 года у населения преобладали довольно оптимистические оценки в отношении длительности кризисных явлений: наиболее представительные по численности группы высказывались либо в пользу достаточно быстрых улучшений, либо в пользу стабилизации ситуации. О том, что кризис носит затяжной характер (и продлится более двух лет), в конце 2015 года думало явное меньшинство, и колебания экономической конъюнктуры не влияли на численность явных пессимистов — она не росла.

4. Влияние кризисных явлений на жизнедеятельность населения

Оценки, данные характеру и длительности экономических изменений, входят в определенное противоречие с информацией о том, в какой степени изменения затронули респондентов лично. С одной стороны, численность респондентов, считающих себя неуязвимыми для кризиса, мало меняется от месяца к месяцу и находится в пре-

Т а б л и ц а 3

**Распределение ответов на вопрос: «Затронули ли изменения
экономического положения в стране Вас и Вашу семью?» (% по столбцу)**

Влияние изменений	Число респондентов							
	февраль	март	апрель	май	август	сентябрь	октябрь	ноябрь
Не затронули и вряд ли затронут	6,2	8,0	9,8	8,8	8,9	10,1	11,0	8,2
Пока не затронули, но, вероятно, затронут в будущем	24,3	17,7	16,0	15,3	22,0	16,6	14,6	11,4
Затронули незначительно	46,1	46,9	49,7	46,2	44,6	45,2	43,4	44,7
Затронули в сильной степени	20,2	24,0	20,4	26,2	21,8	23,4	26,9	31,1
Затруднились ответить	3,2	3,4	4,1	3,5	2,7	4,7	4,1	4,6

делах 10%. В то же время на протяжении всего периода измерений достаточно высока доля тех, кого кризис затронул непосредственно (незначительно или в сильной степени), и в совокупности эта доля весьма высока — выше 60% (табл. 3).

Самым явным образом перемены к худшему коснулись респондентов с изначально низким уровнем материальной обеспеченности. В то же время негативные ожидания распространяются и на средне- и относительно высокообеспеченных (табл. 4).

При оценке масштабов распространения кризисных явлений следует сказать, что в начале года затронутыми ими оказались в большей степени респонденты со средним и высшим профессиональным

Т а б л и ц а 4

**Распределение ответов на вопрос: «Затронули ли изменения
экономического положения в стране Вас и Вашу семью?» респондентов с разным
уровнем материального положения (по субъективной оценке, % по строке)**

Уровень материального положения	Влияние изменений				
	не затронули и не затронут	не затронули, но могут затронуть	затронули незначительно	затронули сильно	затруднились ответить
<i>Февраль</i>					
Низкий	3,4	12,1	41,0	41,0	2,5
Средний	5,3	26,6	50,4	15,2	2,5
Выше среднего	12,8	36,1	43,0	2,2	5,9
<i>Август</i>					
Низкий	3,5	8,5	44,2	40,8	3,0
Средний	9,2	25,1	49,1	14,1	2,5
Выше среднего	17,0	37,6	35,3	7,6	2,5
<i>Ноябрь</i>					
Низкий	3,0	6,6	32,4	53,8	4,2
Средний	8,7	10,8	51,3	25,5	3,7
Выше среднего	17,9	24,0	49,1	5,7	3,3

образованием. По результатам апрельского замера было ощущение, что высокообразованные сумели быстрее адаптироваться: среди них в марте сообщали, что их сильно задел кризис, 24%, в апреле — уже на 8% меньше. Но в мае этот показатель вновь вырос до 24,6% и в последующие месяцы оставался на том же уровне. Таким образом, снижения масштабов воздействия кризиса или, например, уверенного распространения адаптационных практик, которые, как правило, моделируют представители высокообразованных групп, не наблюдалось.

5. Экономические эффекты кризиса

Негативные ожидания формулируются в отношении перехода на неполную рабочую неделю, понижение размера зарплаты, ухода в неоплачиваемый отпуск. В IV квартале увеличилась доля тех, в отношении кого эти события уже произошли, при этом негативные ожидания сохраняют свой объем и значимость по каждой из перечисленных позиций (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Негативные эффекты кризиса (% от работающих, по строке)

Негативные эффекты	Число респондентов			
	не произошло и вряд ли произойдет	не произошло, но может произойти в ближайшее время	уже произошло	затруднились ответить
<i>Февраль</i>				
Стали работать неполную неделю	70,5	21,9	4,6	3,0
Понизилась зарплата	53,2	28,9	14,4	3,5
Зарплату стали выплачивать неформально (в конверте)	70,3	18,5	6,7	4,5
Ушли в неоплачиваемый отпуск	70,7	22,3	2,7	4,3
<i>Август</i>				
Стали работать неполную неделю	65,6	25,0	6,3	3,1
Понизилась зарплата	50,5	26,2	20,8	2,5
Зарплату стали выплачивать неформально (в конверте)	66,8	20,1	8,1	5,0
Ушли в неоплачиваемый отпуск	68,7	23,3	3,1	4,9
<i>Ноябрь</i>				
Стали работать неполную неделю	69,5	24,1	4,5	1,9
Понизилась зарплата	49,8	23,4	24,6	2,2
Зарплату стали выплачивать неформально (в конверте)	69,2	19,4	6,8	4,6
Ушли в неоплачиваемый отпуск	74,4	18,6	2,2	4,8

Увеличивается доля респондентов, сообщивших о потере работы. Возможно, часть тех, кто сообщил о потере работы, смогли трудоустроиться и не влились в число безработных, однако ясно, что рынок труда находится в нестабильном состоянии.

Что касается относительно дорогих продуктов, то сократили их потребление³ около половины представителей тех слоев населения, которые ранее, в докризисный период, их покупали. Еще около четверти предполагают, что в будущем придется экономить на питании. В наибольшей степени это коснулось бедного населения, которое существенно снизило расходы на еду (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Риски сокращения расходов на покупку дорогих продуктов
(% от имевших такие траты, по строке)

Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)	Сокращение расходов	
	произошло	может произойти
Низкий	74,4	14,1
Средний	42,1	30,7
Выше среднего	25,7	29,3
В целом	49,3	25,1

Произошло также значительное сокращение расходов на приобретение лекарств⁴, причем негативные ожидания относительно того, что от их покупки придется отказаться в будущем, характеризуют настроения примерно трети населения, ранее тративших деньги на лекарства. Наибольшее сокращение расходов на приобретение лекарственных препаратов произошло, как следует из данных табл. 7, в группе низко обеспеченных. При этом лишь около половины представителей относительно высоко обеспеченных слоев считают, что смогут удержать необходимый уровень обеспеченности лекарствами, в то время как среди бедного населения таких всего 20%. Сходные данные получены относительно сокращения потребления платных медицинских услуг.

Стоит обратить внимание также на общую динамику снижения потребительской активности в части потребления услуг дополнительного

Т а б л и ц а 7

Риски сокращения расходов на покупку лекарств
(% от имевших такие траты, по строке)

Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)	Сокращение расходов	
	произошло	может произойти
Низкий	31,4	32,8
Средний	13,7	33,6
Выше среднего	12,6	21,4
В целом	19,4	31,2

³ В формулировке вопроса значилось «относительно дорогостоящие продукты» — для того чтобы отделить продукты повседневного спроса, расходы на которые постоянны, а их размер определяется уровнем инфляции.

⁴ Здесь также, согласно формулировке вопроса, речь шла об относительно дорогостоящих лекарствах.

образования. Сокращение расходов на образование в наибольшей степени произошло в группе малообеспеченных. Это означает, что бедное население не только в наибольшей степени пострадало от кризиса, но и сильнее, чем раньше, рискует оказаться в зоне застойной бедности, поскольку лишилось одного из основных каналов вертикальной мобильности — доступа к образованию (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Риски сокращения расходов на оплату образовательных услуг
(% от имевших такие траты, по строке)

Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)	Сокращение расходов	
	произошло	может произойти
Низкий	38,9	31,6
Средний	19,6	31,5
Выше среднего	9,9	35,1
В целом	21,0	32,3

В целом данные мониторинга демонстрируют заметное сокращение потребительской активности, причем не только среди малообеспеченных групп населения, но и среди средне- и относительно высокообеспеченных⁵. Если малообеспеченные слои в большей степени сокращают расходы на еду, то относительно высоко обеспеченные — на заграничные поездки и социальные услуги. Но следует понимать, что потери бедного населения в наибольшей степени затрагивают базовые стороны жизнедеятельности (питание, лекарства) и лишают их доступа к важным социальным благам (медицинские услуги) и каналам вертикальной мобильности (дополнительное образование). При этом масштабы социально-экономического неравенства растут.

6. Стратегии экономического поведения

Сопоставление данных проведенных к настоящему времени волн исследования свидетельствует о том, что российское население в целом не склонно формировать и реализовывать какие-либо активные экономические стратегии, направленные на смягчение воздействия кризиса. Преобладает ориентированность на экономное потребление, создание запаса продуктов и товаров, что можно считать в определенном смысле рациональным поведением населения, рассчитывающего переждать недолгий неблагоприятный момент, чтобы вскоре вновь вернуться к прежним потребительским стандартам. В то же время в случае затяжного кризиса такое поведение уже не может рассматриваться как рациональная стратегия (табл. 9).

⁵ Представители высокодоходных групп обычно не попадают в число респондентов массовых опросов, поэтому речь здесь может идти о высокообеспеченных относительно других групп населения.

Т а б л и ц а 9

Стратегии экономического поведения

Варианты ответов	Число респондентов (%)				
	да, Вы это сделали/делаете сейчас	пока не делали этого, но собираетесь	не делали этого и не собираетесь	затруднились ответить	всего
Приобрели автомобиль, недвижимость	3,5	2,6	92,2	1,7	100
Купили валюту	6,3	4,1	87,8	1,7	100
Нашли подработки	14,0	16,6	66,3	3,1	100
Получают образование по востребованной специальности	5,0	4,2	88,3	2,5	100

Более подробная информация относительно стратегий поведения в период экономической турбулентности была получена в ходе масштабного исследования, осуществленного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС во второй половине 2014 года, когда негативные явления в экономике уже начали проявляться, но не достигли пика⁶. Исследование фокусировалось на моделях экономического поведения, направленного на повышение собственного благосостояния.

Из табл. 10 видно, что именно уровень благосостояния является той областью, которая, по оценке респондентов, в наибольшей степени нуждается в улучшении. Напротив, уровень образования и квалификации признаётся нуждающимся в улучшении самой меньшей группой респондентов.

Т а б л и ц а 10

Распределение ответов на вопрос: «Нуждаетесь ли Вы в улучшении следующих аспектов Вашей жизни?» (% по строке)

Аспекты	Есть необходимость улучшения	Нет необходимости улучшения	Затруднились ответить
Уровень благосостояния	58,0	35,8	6,3
Здоровье	44,8	49,2	6,1
Занятость, положение на рынке труда	22,7	66,6	10,7
Образование, квалификация	19,5	70,8	9,7
Досуг, отдых	30,2	61,9	7,9

Теоретически признавая, что образование и квалификация являются условиями достижения относительно высокого уровня благосостояния, две трети респондентов не предпринимали ничего для их повышения (табл. 11).

Причины, по которым развитие образовательного ресурса не было поддержано большинством населения в качестве результативной

⁶ Опрос 10 700 домохозяйств проведен в сентябре-октябре 2014 года по репрезентативной для населения России выборке.

Т а б л и ц а 11

Распределение ответов на вопрос:
«Предпринимали ли Вы за последние 2–3 года какие-либо действия,
направленные на повышение образования и квалификации?»
 (% , респонденты могли дать несколько ответов)

Варианты ответов	Вы сами	Другие взрослые члены домохозяйства
Получали первое профессиональное образование	7,8	8,6
Получали образование по другой (второй) специальности	1,3	0,9
Проходили обязательные программы повышения квалификации	2,7	1,9
Проходили программы повышения квалификации, оплаченные работодателем	4,8	4,4
Проходили лично оплаченные программы повышения квалификации	1,9	1,9
Самостоятельно получали новые знания	9,1	7,6
Пытались повысить свой уровень образования и квалификации, но не смогли	2,1	1,7
Ничего не предпринимали	76,2	77,6

Т а б л и ц а 12

Распределение ответов на вопрос:
«Почему Вы и другие члены Вашей семьи не повышали свой уровень образования?»
 (респонденты могли дать несколько ответов)

Причины неактивности в сфере образования	%
Не видели в этом необходимости	83,8
Не нашли подходящих вариантов в своем населенном пункте	4,6
Не хватило денег	6,0
Не хватило времени	7,6
Не было связей, чтобы получить такое образование	3,2

меры, выглядят следующим образом (табл. 12). Ссылку на нехватку времени, денег, связей дают в общей сложности 17% респондентов, тогда как абсолютное большинство (83%) не видят необходимости в повышении уровней образования и квалификации.

Между тем те, кто всё же занимался повышением уровня образования и квалификации, оценивают результаты достаточно позитивно: у 31% из тех респондентов, кто получал дополнительное образование, доходы увеличились и еще треть соответствующей группы ожидает роста доходов в недалеком будущем. Впрочем, у оставшейся трети уровень доходов не изменился.

О том, что предпринимали респонденты в сфере занятости с целью повышения доходов, свидетельствуют данные табл. 13.

Начало собственного дела не рассматривается населением как способ повышения доходов — открыли бизнес менее 1% опрошенных. Значительно более эффективная мера — подработки, но и к ней об-

Т а б л и ц а 13

Распределение ответов на вопрос: «Предпринимали ли Вы за последние 2–3 года какие-либо действия, направленные на улучшение положения в сфере занятости?»
(% от работающих, респонденты могли дать несколько ответов)

Варианты ответов	Вы сами	Другие взрослые члены домохозяйства
Ранее не работали и вышли на работу	4,3	3,3
Сменили работу	3,4	2,6
Получили повышение на работе	2,7	2,8
Открыли собственный бизнес	0,5	0,4
Нашли подработки	7,8	5,8
Стали работать на двух работах	3,5	2,9
Ничего не предпринимали, так как не видели таких возможностей	14,1	13,8
Ничего не предпринимали, так как в этом не было необходимости	66,9	70,4

ращаются менее 10% ответивших. Можно сделать вывод, что усилия в сфере занятости предпринимают единицы, но почему?

На недостаток знаний и квалификации в качестве причины указывает наименьшая доля респондентов. Большинство же связывают бесперспективность поиска более доходной работы или приработков либо с отсутствием подходящих рабочих мест в своем населенном пункте, либо с отсутствием нужных связей для того, чтобы устроиться на такую работу (табл. 14). Вариант смены сферы деятельности также связан, в представлениях населения, с барьерами, причем наиболее непреодолимым оказывается недостаток связей и знакомств (табл. 15).

Поиск работы в другом городе также не оказался привлекательным вариантом: 86% респондентов не пытались и не собираются идти по этому пути, но 6,7% готовы рассматривать данный вариант.

Т а б л и ц а 14

Распределение ответов на вопрос:
«Почему Вам не удалось поменять работу на более подходящую?»
(% от работающих, респонденты могли дать несколько ответов)

Не нашли подходящую работу в своем населенном пункте	50,6
Не хватило образования, квалификации	12,9
Не было связей, чтобы устроиться на такую работу	42,5
Затруднились ответить	6,8

Т а б л и ц а 15

Распределение ответов на вопрос:
«Почему Вам не удалось поменять сферу деятельности?»
(% от работающих, респонденты могли дать несколько ответов)

Не нашли подходящей сферы деятельности	37,1
Не хватило образования	23,7
Не было связей, чтобы найти работу в другой сфере деятельности	46,1
Затруднились ответить	7,2

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы не пытались найти работу в другом городе?» (%), респонденты могли дать несколько ответов)

В других городах невозможно найти более подходящую работу	12,7
Не хватило образования	4,0
Нет связей, чтобы найти работу в другом городе	10,0
Семейные обстоятельства не позволяют уехать	44,3
Имеющаяся работа полностью устраивает	38,7

Отказавшиеся от этого пути ссылаются на семейные обстоятельства (44,3%), на то, что и в других местах невозможно найти работу (12,7%), либо опять же на отсутствие нужных связей (табл. 16).

Обобщим полученную информацию. Несмотря на то что, как мы видели раньше, более 50% респондентов видят необходимость в повышении своего благосостояния, от 66 до 70% сообщают, что не считают нужным предпринимать какие-либо усилия в сфере занятости.

Выводы

Медленно и постепенно меняется общая тенденция в оценке изменений экономической ситуации: неуклонное повышение оптимизма в отношении масштабов и длительности кризисных явлений сменяется ростом негативных ожиданий. В то же время большинство населения предполагают, что кризис разрешится в течение одного-двух лет или еще быстрее. Массовых алармистских настроений — представлений о том, что происходит полномасштабный экономический кризис, который затянется не на один год — не просматривается. Такое масштабирование кризисных явлений не предполагает пересмотра сложившихся у населения моделей экономического, в частности трудового, поведения, а, напротив, приводит большинство россиян к мысли, что неблагоприятный период следует переждать, не предпринимая каких-либо усилий, а лишь сократив масштабы потребления товаров и услуг.

В то же время налицо ползучее распространение негативных эффектов кризиса (потеря работы, снижение зарплаты, неполная занятость), охват ими всё более широких слоев населения и всё новых видов экономической деятельности. До настоящего времени основная масса населения не ассоциирует индивидуальные лишения, связанные с трудовой и/или потребительской сферой, с происходящими в экономической жизни страны изменениями.

В обществе доминируют пассивные формы адаптации к негативным экономическим проявлениям — прежде всего экономия на потреблении, в том числе продуктов и товаров длительного пользования.

Преобладание пассивных форм адаптации населения к негативным проявлениям кризиса имеет понятные институциональные причины. Те возможности, которыми располагало население в ходе трансформационного кризиса 1990-х годов, сегодня практически исчерпаны.

Неорганизованная торговля закономерно проиграла крупным торговым сетям, а кроме того, девальвация рубля и падение платежеспособного спроса населения сегодня делают этот сектор экономически невыгодным. В любом случае, он не сможет создать число рабочих мест, сопоставимое с масштабами «челночества» 1990-х годов.

Малый бизнес без инвестиций, но с большим числом административных барьеров, появившихся в последнее десятилетие и ставших «бичом» малого предпринимательства в России, не продуцирует новых рабочих мест и не способен обеспечить источники существования значимым по численности социальным группам.

Личное подсобное хозяйство как вид экономической деятельности, приносящей доход, сегодня также утратило былой экономической вес. Его роль, вероятно, может частично реставрироваться лишь в определенных типах поселений — на селе, в малых и средних городах, но не в крупных городах и мегаполисах.

Неформальная занятость, ставшая порождением 1990-х годов, сыграла значительную роль в адаптации населения к социальному стрессу. Однако тот факт, что масштабы неформальной занятости в последние годы не зависят напрямую от экономических параметров, а если и зависят, то со значительным временным лагом, позволяет предположить, что объемы неформальной занятости находятся в определенном равновесном состоянии, адекватном сложившейся структуре экономики и рынка труда. В этой связи маловероятно, что неформальный экономический сектор бурно отреагирует на экономический кризис созданием новых неформальных рабочих мест и сыграет серьезную демпфирующую роль.

В итоге сегодня у населения отсутствуют институциональные возможности, сыгравшие значительную адаптивную роль в ходе кризиса 1990-х годов. В этих условиях тактика «пусть население само позаботится о себе» неприемлема.

Общий взгляд на полученные к настоящему времени результаты мониторинга свидетельствуют о том, что реализовавшийся в нашей стране в последние пятнадцать лет сырьевой тип экономики определенным образом повлиял на складывание массовых моделей социально-экономического поведения. В их формировании население исходило из того, что (1) рост личного и семейного благосостояния происходит сам собой, вне зависимости от усилий по повышению индивидуальной конкурентоспособности и роста производительности труда; (2) источником повышения личного и семейного благосостояния является государство. Результатом таких представлений стал рост патерналистских ориентаций и соответствующих моделей поведения. Реализация этих моделей носит рациональный характер при благоприятной экономической конъюнктуре, но контрпродуктивна в ситуации кризиса. Проблема состоит в том, что смена доминировавших ранее моделей поведения затруднительна вследствие того, что не создан институциональный контекст для воплощения моделей поведения,

основанных на самореализации, использовании собственных социальных ресурсов развития, индивидуальной конкурентоспособности. Этот вывод важен для актуальной социальной политики, которой придется иметь дело со значительными по численности слоями и группами населения, не способными самостоятельно решать проблемы роста индивидуального или семейного благосостояния, в силу чего они будут апеллировать к государству как к главному патрону. Впрочем, как можно заключить по данным наших исследований, в период благоприятной экономической конъюнктуры население демонстрировало повышенную потребительскую активность и создало себе некоторый запас прочности, поддерживающий его общий позитивный настрой.

Таким образом, приведенные эмпирические данные, казалось бы, решают извечный вопрос: что лучше давать, рыбу или удочку — в пользу рыбы, которой, впрочем, становится всё меньше. Однако необходимо учитывать также следующее. Активные формы адаптации (получение дополнительного профессионального образования, поиск дополнительной занятости) распространяются не более чем на 15% населения, но оказываются достаточно эффективными. В то же время наши исследования развития ресурсного потенциала домохозяйств [Аврамова, Малева, 2015] демонстрируют наличие значимой связи между ресурсами, в качестве которых были рассмотрены наличие профессионального образования, занятости, здоровья и типа поселения, и уровнем благосостояния. При этом все составляющие ресурсного потенциала домохозяйства значимы — каждый дополнительный ресурс способствует переходу части домохозяйств в группу с более высоким уровнем благосостояния. Именно поэтому, когда мы говорим о возможностях социальной политики, направленной на рост благосостояния, необходимо обращать внимание на каждый ресурс, не ограничиваясь только доходными показателями. При использовании подобного подхода можно говорить о социальной политике, направленной на рост ресурсообеспеченности населения в целях повышения общего уровня благосостояния, сокращения зоны бедности и нуждаемости, снижения рисков попадания в сложную жизненную ситуацию для домохозяйств в современном российском обществе. Именно поэтому необходимо вести речь не просто о материальной поддержке, а о способах увеличения ресурсного потенциала неблагополучных домохозяйств. И это в очередной раз свидетельствует в пользу активизации стимулирующей функции социальной политики.

Литература

1. Аврамова Е. М. Есть ли в современном обществе запрос на социальный либерализм? // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 101—114.
2. Аврамова Е. М. Рост материальной обеспеченности населения: благодаря чему и с какими последствиями? // *Общественные науки и современность*. 2013. № 1. С. 5—15.

3. Авраамова Е. М., Малева Т. М. Социальные ресурсы населения в условиях потери социальной стабильности // Вопросы экономики. 2015. № 11. С. 86–99.
4. Мареева С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7. № 2. С. 109–119.
5. Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации / Под ред. Т. М. Малевой, Л. Н. Овчаровой. М.: Дело, 2010.
6. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность М.: Институт социологии РАН; Новый хронограф, 2014.
7. Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: ИСЭПН РАН; М-Студио, 2009.
8. Bradshaw J., Kemp P., Baldwin S., Rowe A. The drivers of social exclusion: A review of the literature. Breaking the Cycle series. London: Social Exclusion Unit, Office of the Deputy Prime Minister, 2004.
9. Norton A., Conway T., Foster M. Social protection concepts and approaches: implications for policy and practice in international development. London: Centre for Aid and Public Expenditure, Overseas Development Institute, 2001.
10. Omtzigt D.-J. Survey on social inclusion: Theory and policy. Oxford: Oxford Institute for Global Economic Development, 2009.

Ekonomicheskaya Politika, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 177–193

Tatiana MALEVA, Cand. Sci. (Econ.), DBA. E-mail: maleva-tm@ranepa.ru.

Elena AVRAAMOVA, Dr. Sci. (Econ.), professor. E-mail: avraamova-em@ranepa.ru.

Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National and Public Administration (11, Prechistenskaya nab., Moscow, 101000, Russian Federation).

The Bases for Multifunctional Social Policy

Abstract

On the basis of the conducted sociological research the article provides the arguments for the implementation of compensatory measures directed at support of the most vulnerable layers of the population as well as stimulating measures directed at organization of these population groups access to resources which may put them at a higher level of development (access to education, employment, social services). The tasks of social policy facing economic challenges are reviewed in the article. The authors attribute the relevance of stimulating measures of social policy to the dynamics of social attitudes of different population groups, as well as the degree of their being affected by the crisis, as long as these factors influence the creation of social and economic strategies that may have a passive waiting or active character. In its turn the character of population strategies determines the degree of influence on the social policy called to reduce the negative effects of the crisis and to abrupt worsening of the socio-economic situation of any social group.

Key words: social policy, socio-economic inequality, poverty, social mobility, economic depression, social resources.

JEL: I38.

References

1. Avraamova E. M. Is there anything in today's society a request for social liberalism? *Obschestvennie Nauki i Sovremennost*, 2015, no. 3, pp. 101-114.
2. Avraamova E. M. The growth of the population have: so, and with what consequences? *Obschestvennie Nauki i Sovremennost*, 2013, no. 1, pp. 5-15.

3. Avraamova E. M., Maleva T. M. Social recourses of the population under conditions of losing economic stability. *Voprosi Ekonomiki*, 2015, no. 11, pp. 86-99.
4. Mareeva S. V. Fairness and inequality in the social consciousness of Russians. *Journal of Institutional Studies*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 109-119.
5. Maleva T. M., Ovcharova L. N. (eds.). *Social support: lessons from the crisis and vectors modernization*. Moscow: Delo, 2010.
6. Tihonova N. E. *The social structure of Russia: Theory and Reality*. Moscow: Novy Hronograf; Institute of Sociology RAS, 2014.
7. Shevyakov A. Yu. Kiruta A. Ya. *Inequality, economic growth and demography: the unexplored relationship*. Moscow: ISEPN RAN; M-Studio, 2009.
8. Bradshaw J., Kemp P., Baldwin S., Rowe A. *The drivers of social exclusion: A review of the literature*. Breaking the Cycle series. London: Social Exclusion Unit, Office of the Deputy Prime Minister, 2004.
9. Norton A., Conway T., Foster M. *Social protection concepts and approaches: implications for policy and practice in international development*. London: Centre for Aid and Public Expenditure, Overseas Development Institute, 2001.
10. Omtzigt D.-J. *Survey on social inclusion: Theory and policy*. Oxford: Oxford Institute for Global Economic Development, 2009.